

этого местные предания и сказания. В ските были люди, которые, очевидно, имели право называть себя поэтами. Так, на найденном нами в деревне Скитской списке автобиографии протопопа Аввакума есть следующая запись: «Сия книга, тетрадь поэта Венедиктова Антонова. Переплетал 1838 года».¹ Имя юноши Венедикта, утонувшего в реке, упоминается в местном синодике. Фамилия Антоновых коренная, пижемская, она ведет свое начало, как указано выше, от выходцев сюда с Мезени в конце XVII века. Фамилия Антоновых и сейчас встречается в деревне Скитской и в других деревнях Пижмы. Таким образом, есть все основания считать Венедикта Антонова местным жителем. Приходится только сожалеть, что до нас не дошло ни одного стихотворения этого пижемского юноши-поэта.

Великопоженцы не чуждались и «мирской» литературы. В деревнях Пижмы нам не раз встречались отдельные томики изданных в XVIII веке сочинений М. В. Ломоносова, Антиоха Кантемира, изданий Н. И. Новикова, История Иудейской войны Иосифа Флавия и другие. Владельческие записи и пометы на изданиях XVIII века наглядно говорят о том, что книги были получены на Пижме вскоре после их напечатания. В деревнях Верховской и Скитской попадались сочинения Екатерины II, к которой предки современных пижемцев вообще, повидимому, благоволили за дарование скиту кое-каких прав. По свидетельству Н. Е. Ончукова, еще в начале XX века пижемцы бережно хранили у себя ее подлинные грамоты, адресованные скитянам.²

Круг чтения великопоженцев, даже по тем сведениям, которыми мы располагаем, представляется довольно широким и свидетельствует о большой любознательности жителей глухих печорских лесов. Если же учесть, что до нас дошло лишь очень немногое из некогда большой и разнообразной письменной культуры, то придется отдать должное широте кругозора великопоженцев.

В Великопоженском ските была своя книгописная мастерская, где размножались присланные с Выга произведения самого различного жанра местных старообрядческих писателей (жития, послания, письма, риторические сочинения, полемические трактаты и т. п.) и переписывались заново пришедшие в ветхость древние рукописные книги.

Перепиской рукописных книг на Пижме занимались вплоть до нашего времени. Еще совсем недавно были живы люди, основной профессией которых было писание книг. Это братья Чупровы из деревни Боровской, Н. С. Кириллов и другие. Переписанные ими книги встречаются почти во всех деревнях Пижмы и легко отличаются от прочих старообрядческих рукописей, в том числе и поморского письма, своеобразным мелким, прямым почерком, несколько небрежным и угловатым.

Великопоженское общежительство, как нами отмечалось, поддерживало тесные связи с Выго-Лексинским общежительством, заказывало там иконы, получало от них нужные книги. В тяжелые минуты оба старообрядческих центра так называемого Даниловского поморского согласия помогали друг другу.³ При посредстве выходцев на Пижму попадали книги многих светских писателей XVIII века.

¹ См. Приложения, I, № 34.

² Н. Е. Ончуков. Печорская старина. ИОРЯС, кн. 3, стр. 228.

³ См. письмо лексинца Семена Дорфеевича к пижемцу Ивану Евстафьевичу от 1824 года (Приложения, II, № 4) Пижемские старообрядцы, как и большинство старообрядцев Карельского Поморья, отнесли к беспоповцам Службу у них вели «старцы праведного жития», на деле, однако, отличавшиеся нередко далеко не праведной жизнью